

О возрождении либерализма в России

Работа над ошибками

Борис КАПУСТИН

Цель этой статьи — выявить хотя бы идеологические и концептуальные причины нынешнего политического ничтожества отечественного либерализма, а также условия, опять же идеологические и концептуальные, его возможного возрождения.

Сразу скажу, что мне кажется необходимым продолжить тот критический анализ отечественного либерализма, который начал в своей нашумевшей статье «Кризис либерализма в России» Михаил Ходорковский.

Две важнейшие темы, которые я подхватываю у него, — вина самих либералов за свое нынешнее политическое ничтожество и игнорирование ими исторических особенностей развития России и интересов большинства россиян. В остальном, впрочем, наши подходы серьезно разойдутся. Любые политические суждения есть неизбежно продукты того, что Фридрих Ницше называл «перспективами», а они — в их классовой и мировоззренческой определенности — не могут не различаться у меня и у Ходорковского.

Также я благодарен и Модесту Колерову за то, что он, пусть непроизвольно, сфокусировал мое внимание на важности темы нахождения или ненахождения интеллигенции в «рамке власти» для понимания судеб отечественного либерализма. Приведу поразившее меня его высказывание (Колеров М. Выступление на круглом столе «Интеллектуальная литература в дебатах по Стратегии 2020», 25 апреля 2008 года, опубликованное на «Кремль.орг»): *«Если интеллигенция не хочет мыслить себя в рамке власти, она ничтожна, она террористична и убога, она деструктивна по отношению к той стране, которая на медные пятаки вырастила ее, и предаст свою страну»**. Помимо полученного интеллектуального импульса я ценю это высказывание за то, что оно неожиданно раскрыло мои глаза на нечто общее, что действительно имеется у меня и Ходорковского. Это общее, конечно же, заключается в том, что оба мы «террористичны и убоги».

В Что такое либерализм?

В серьезной литературе по истории философских и политических идей достаточно широко признано, что дать «единственно правильное» и универсально применимое определение либерализма нельзя. Это неудивительно: в истории, в том числе западных стран, существовало такое множество столь разных, вплоть до противоположности, видов либерализма, что, казалось бы, остается только констатировать: «Никогда не было либерализма — было только семейство либерализмов»**.

* Редакция «Русского Журнала» попросила Модеста Колерова прокомментировать это его ставшее широко известным выступление, которое вызвало столь горячие отклики в интеллектуальном сообществе. По словам Колерова, «интеллигенция, которая называет себя четвертой властью, главным своим достоинством почему-то считает противостояние любому представлению о властной ответственности, разумеется, борется против любой власти. Власть — это ответственность. Оппозиция — это альтернативная власть. Революция — это альтернативный властный строй. Это азбука. Если интеллигенция мыслит себя вне рамок властной ответственности за экономические, социальные, политические реформы, а просто говорит, что “мне не нравится”, то интеллигенция в этом случае — это кучка террористов, которые боролись и будут бороться против любой формы ответственности. Терроризм в этой фразе выступает в буквальном смысле слова. Неготовность принять на себя ответственность за властные решения или ответственность за альтернативные властные решения означает разрушение любого государства, любой власти, что само по себе и является терроризмом».

** Spragens Jr. T. *Reconstructing Liberal Theory: Reason and Liberal Culture in A. Damico, ed. Liberals on Liberalism.* Totowa (N.J.): Rowman & Littlefield, 1986. P. 36.

Но что если отказаться от поиска общего определения либерализма на уровне ценностей? Ведь в виде абстракций они банальны и неспецифичны для либерализма (какое идеологическое течение сейчас выступает против свободы как «ценности?»), а малейшая их конкретизация вызывает все те споры и расхождения, от которых мы стремились уйти в искомом определении.

Что если не отождествлять либерализм как таковой и с определенными институтами (капитализма, конституционализма, разделения властей и т. п.)? Ведь в этом случае некоторые «классические» либеральные системы, например ту же британскую, мы не сможем считать либеральной из-за отсутствия и конституции, и институционализированного разделения законодательной и исполнительной власти, а этатизация и социализация капитализма практиками «государства благоденствия» (welfare state) должны будут вычеркнуть из либерального списка почти все современные западные общества*.

Что остается? Попытаться определить либерализм через некоторые политические и идеологические *практики*, какие бы институциональные формы они ни принимали в истории и какими бы и каким бы образом интерпретированными «ценностями» они ни осенялись. Это *освободительные* практики, причем такие, во главу угла которых поставлено утверждение того, что Гегель называл «правом *субъективной свободы*».

Разумеется, не все освободительные практики являются либеральными. К примеру, национальное освобождение, приводящее к подавлению «права субъективной свободы» (что мы многократно наблюдали в период деколонизации третьего мира), не будет либеральным. В то же время институты (и их идеологическое оформление), некогда созданные либерализмом, в иных исторических ситуациях могут служить угнетению, а не освобождению, и либеральный институционально-идеологический «декор» угнетения не может превратить его в либеральную практику.

К примеру, редко ли «вестминстерская модель», оставленная в Африке уходящими колонизаторами, служила прикрытием самой беззастенчивой и деспотической эксплуатации элитами своих народов? А что сказать о Верховном суде США, узаконившем *после* Гражданской войны и

«официальной» отмены рабства самую омерзительную систему расовой сегрегации**? В том и дело, что либерализм есть определенная освободительная *функция*, осуществляемая в *специфических* (идеологических и институциональных) формах *в конкретных ситуациях*, а отнюдь не неизменная «субстанция», присутствующая, если она отвечает некоторым формальным критериям, и тогда, когда она, говоря прямо, никого не освобождает.

Кого и от чего именно *на деле* освободила российская «либеральная революция» 1991 года, перейдя в стадию «реформ»? Да, были приняты законы, декларирующие основные гражданские и политические права и свободы. Да, были созданы политические институты, более-менее удачно имитирующие те или иные либеральные образцы. Да, была проведена обвальная приватизация, какой бы мощенческой и экономически неэффективной она ни являлась. Но разве не оказываются декларируемые права пустышкой для тех, кого социально-экономические и культурные условия существования лишают возможности ими пользоваться? Разве дизайн институтов и реальные способы их функционирования – одно и то же***? Разве «свя-

* Такое вычеркивание совершенно логично и делает великий гуру неолиберализма Милтон Фридмен, считающий, что во всем мире единственным подлинно либеральным обществом остался Гонконг, тогда как США уверенно движутся в сторону социализма (см.: Фридмен М. Спасательный круг для России (интервью) // «Независимая газета», 17 октября 1995 г. С. 5).

** См.: Ferguson P. // The South since Reconstruction ed. T.D. Clark. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1973.

*** Именно несоответствие между первым и вторым, перерастающее в противоречие, характерным образом фиксировал либерал Алексис Токвиль, обозревая, что примечательно, либеральные институты США первой половины XIX века: «Я всегда был уверен, что подобная форма рабства... картину которой я только что изобразил, могла бы сочетаться, хотя это и трудно себе представить, с некоторыми внешними атрибутами свободы и что она может установиться даже в тени народной власти» (Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 497).

шенное» право собственности не является *привилегией* многих, если оно не реализуется — в соответствии с базовым смыслом понятия «право» — в качестве действительной собственности *каждого*? (Лицемерной данью порока собственности-как-привилегии добродетели нравственного понимания ее как универсального принципа существования всех и каждого, конечно, не осуществимого в условиях современного капитализма, является демагогия «общества собственников» мадам Тэтчер, ставшая идеологическим слоганом российской приватизации.)

Институты (и их идеологическое оформление), некогда созданные либерализмом, в иных исторических ситуациях могут служить угнетению, а не освобождению, и либеральный институционально-идеологический «декор» угнетения не может превратить его в либеральную практику

Не буду обременять читателя уже достаточно хорошо известной *ужасающей* экономической, демографической, социальной статистикой, наглядно показывающей то, кого в действительности освободила, а кого придавила «либеральная революция». Скажу только, что ее важнейшим социетальным итогом можно считать утверждение в российском обществе того, что Никлас Луман называл «метакодом включения / исключения».

Действие этого «метакода» проявляется в том, что «некоторые люди будут личностями, а другие — только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра... что забота и пренебрежение окажутся по разные стороны границы, что тесная связь исключения и свободная связь включения различат рок и удачу...»*.

Конечно, образование такого «метакода» — глобальная тенденция мирового капитализма, а не идиосинкразия «российского транзита». Но именно наш «транзит» позволил России по этому показателю существенно опередить Запад и довести действие «метакода» до своего рода варварского совершенства: по некоторым подсчетам, свы-

ше пятидесяти процентов всего населения России оказались на стороне «исключения»**!

Санционируя *такие* реформы, закрывая глаза на их *системный* угнетательский характер, российский либерализм поставил себя на сторону «включения» и «включенных» против большинства населения страны.

Тем самым он отказался от освободительной функции и *перестал быть либерализмом*. Он стал политическим самозванцем***.

Трагикомедия такого позиционирования, как уже отмечалось, заключалась в том, что основная масса российской либеральной интеллигенции «объективно» выталкивалась «реформами» на сторону «исключения», так что поддержка ею политики новых господ России при первом приближении выглядит весьма редким в истории примером утраты элементарной «классовой интуиции» и даже чувства самосохранения.

Если к либеральной интеллигенции относиться великодушно, то эту трагикомедию можно объяснять всего лишь идеологическими иллюзиями или теоретической наивностью. Так поступает, к примеру, столь тонкий на-

* Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века. Новые направления исследований. М., 1998. С. 94–108.

** См.: Бородкин Ф. Социальные эксклюзии // «Социологический журнал». 2000. № 3–4. С. 5–17.

*** Самозванство — характерная черта посткоммунистического политического дискурса. Одни именуют себя коммунистами, перестав быть интернационалистами и носителями идеи освобождения труда от капитала, другие узурпируют ярлык «демократов», не имея ничего общего с народом и занимаясь откровенно элитистской политикой, третьи объявляют себя либерал-демократами, будучи шоуменами, во-первых, и националистами, во-вторых... На фоне таких мистификаций бренды, открыто заявляющие свою политико-идеологическую бессмысленность («Партия жизни», «Партия любителей пива» и т. д.), выглядят предпочтительнее.

блюдатель, как Перри Андерсон, акцентируя *телеологическую веру* интеллигенции в закономерности прогресса России, несмотря на все «отступления» и колоссальные «издержки» реформ, к истинному либеральному состоянию «правового государства», уже будто бы воплощенному на Западе.

Эволюционистскую схему, лежащую в основе таких представлений, антикварную по меркам современного общественнознания, с неотделимым от нее наивным представлением о торжестве либерализма на современном Западе, Андерсон характеризует понятием «идеализм»*. Что ж, «идеализм», даже когда он приносит страдания (и в первую очередь когда он приносит их), всегда считался фирменным знаком отечественной интеллигенции. Политически наивно, теоретически слабовато, но возвышенно — в нравственном отношении...

Однако мне кажется, что в трагикомедии, о которой идет речь, много больше прозы. Права и свободы, принесенные «либеральной революцией», в самом деле важны для интеллигенции как профессиональной и статусной группы, и она оказалась их основным пользователем. Появившееся (до определенного срока) пространство публичной политической и духовной жизни — это прежде всего пространство *ее* жизни. Отмена цензуры — условие *ее* полноценного труда и отдыха. «Открытость миру», неся определенную угрозу девальвации накопленного российской интеллигенцией «умственного капитала», повышала *ее* статус в качестве главного духовного посредника в общении России с Западом, не говоря уже о прямых материальных дивидендах от такого общения — в виде грантов, гонораров, поездок, кормления (и около) самых различных неправительственных и некоммерческих организациях, хлынувших в Россию... Как тут не почувствовать себя «включенной» в движение России к светлomu завтра?

Это и есть эгоизм избранности — мнить «свободу для некоторых» «свободой для всех». Первое есть, по определению, не свобода, а привилегия. Таковую привилегию либеральная интеллигенция в самом деле получила в результате «либеральной революции». Она наслажда-

лась ею до бесчувственности по отношению к тем («исключенным»), для кого «открытость миру» обернулась закрытием предприятий, от которых зависела их жизнь, к тем, чьей «духовной пищей» в условиях отмены цензуры стал отупляющий «масскульт», к тем, для кого открывшееся пространство публичной политической жизни явило картину помпезной болтовни о демократии и корыстной возни самовлюбленных «демократов». Привилегии всегда развращают. **Развращение российской либеральной интеллигенции проявилось прежде всего в ослаблении способности к критической рефлексии и само-рефлексии.**

Бинарные коды, которыми она мыслила в то время и с помощью которых оправдывала свое пребывание на стороне «включенных» — вроде «коммуняки — демократы», «Запад — Восток», «хomo советикус — нормальный человек», «открытое общество — тоталитаризм» и т. п., — и есть самое зримое проявление неготовности и нежелания критически (и самокритично) думать. Ведь думать — значит *искать альтернативы*, в данном случае — альтернативы тем способам «открывания» России миру, формирования публичного пространства, устранения ограничений на «свободу слова» и т. д., которые в реальности были звеньями формирующегося лумановского «метакода включения / исключения».

Привилегии ненадежны в том плане, что их могут отбирать те, кто их дал. Или от кого зависит их распределение. Или кто устанавливает меру, согласно которой они должны использоваться. У интеллигенции в «эпоху Путина» привилегию свободы заметно ограничили. Но сделать это власть смогла потому, что либеральная интеллигенция после «либеральной революции» властью, точнее *контр-властью*, никогда не была, поместив себя на сторону «включенных».

В этом главные истоки кризиса современного российского либерализма.

* См.: Anderson P. Russia's Managed Democracy // «London Review of Books», 25 января 2007 г.

С Причины ухода со сцены

Сказать, что современный российский либерализм находится в кризисе или даже в очень глубоком кризисе, было бы неточно. Кризис может претерпевать то, что *есть*. Российского либерализма как политического явления сейчас *нет*. Его нет не только в парламенте страны как внепарламентского общественно-политического движения, организованного в виде сколько-нибудь серьезных партий или даже не организованного никак, подобно массовому де-факто либеральному брожению периода конца перестройки и первых постперестроечных лет, но и, осмелюсь сказать, даже в качестве хотя бы потенциально политически дееспособной идеологии.

Институты (и их идеологическое оформление), некогда созданные либерализмом, в иных исторических ситуациях могут служить угнетению, а не освобождению, и либеральный институционально-идеологический «декор» угнетения не может превратить его в либеральную практику

Несмотря даже на в чем-то героические (без иронии!) «марши несогласных», на политические акции лидеров «Другой России», на либеральную непреклонность некоторых печатных и электронных органов информации, либерализм стал преимущественно виртуальным и медийным, а не реальным и политическим явлением российской жизни.

Да и в качестве виртуального и медийного явления либерализм сохраняется, на мой взгляд, в значительной степени благодаря, так сказать, психической неуравновешенности власти. Зачем иначе запрещать или разгонять «марши несогласных», арестовывать Гарри Каспарова, «наезжать» на книжный магазин «Фаланстер», о котором без этого слышал едва ли один из десяти тысяч москвичей, и т. п.? Пусть все это будет — индифферентность общества губит нежелательную (для властей предрержащих) политическую активность гораздо надежнее любых репрессий. В этом заключается один из важнейших уроков так называемых либеральных обществ Запада. И напротив — как отчеканил тот же Луман, «власть уничтожается реальным

использованием физического принуждения»*. Или нынешняя российская власть еще не доросла до понимания этого? Или ее неуверенность в себе свидетельствует о реальной шаткости консолидации авторитарного капитализма, который она представляет? Если верно последнее, то я должен сразу признать, что переоцениваю степень прочности нынешней российской политико-экономической модели.

Некоторые аналитики уже высказывали ту в общем-то справедливую мысль, что выход российского либерализма из его нынешнего политического небытия может происходить лишь посредством «малых», но конкретных дел, а не салонных «тусовок» и велеречивых деклараций, то есть через «низкую прозу» защиты прав обывателей, а не «высокую политику»**.

Но «малые дела», сколь бы они ни были важны сами по себе, не сложатся в общее большое политическое дело без «клея» и мобилизующей силы идеологии, причем не

* Luhmann N. Power and Physical Coercion // Trust and Power. NY: John Wiley, 1979. P. 147.

** Коргунюк Ю. Сети демократии. http://www.gazeta.ru/comments/2008/04/08_a_2689273.shtml. Стоит ли напоминать о том, что любое политически действенное либеральное движение начиналось именно с этого? Прозаические вопросы налогообложения («no taxation without representation»), контроля англичан за земельными спекуляциями в колониях, контрабандой в них товаров с островов Карибского моря и т. п. вылились в американской революции в высокий пафос борьбы за «неотчуждаемые права человека» (см.: Draper T. A Struggle for Power: The American Revolution. NY: Vintage, 1997. Chapter 9). Французская революция также началась, как известно, со сбора скромных cahiers, в которых жители страны сетовали на конкретные «непорядки» в своих местечках, даже не помышляя о революции и Декларации прав человека и гражданина. О стратегии «малых дел» в подготовке «либеральных революций», опрокинувших коммунизм в Центральной и Восточной Европе, красноречивее всего рассуждал, вероятно, Вацлав Гавел (см.: Havel V. The Power of the Powerless. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1985. P. 61).

«придуманной», а резонирующей с тем, что Антонио Грамши называл «стихийной философией» масс.

Для этого российский либерализм должен переосмыслить сам себя, каким он сложился в 1990-е годы на стороне «включенных». Это решающее идеологическое условие его возрождения. Что же мы видим в этом плане в нынешнем российском либеральном дискурсе*?

Пафос появившихся недавно «Тезисов о Национальной ассамблее для граждан России» в решающей мере определяется непризнанием «легитимности нынешней государственной власти в России» и обвинениями режима в уничтожении политической демократии, народного представительства и узурпации государственной власти**.

Верят ли авторы «Тезисов» в то, что победы «Единой России» и Дмитрия Медведева (в отличие от конкретных победных цифр, заявленных ЦИКом) объяснимы лишь фальсификациями итогов голосования и массивным использованием «административного ресурса»? Думают ли они, что показатели популярности первых лиц режима — чистые фикции? Полагают ли они вообще, что в «демократиях» легитимность сводится к чистоте соблюдения идеально рациональных процедур избрания и выявляемым опросами рейтингам популярности (что тогда думать о легитимности президентства Джорджа Буша-младшего, учитывая скандальный характер его избрания на первый срок и почти рекордную непопулярность в настоящее время)? Что антидемократическое влияние денег на выборы, столь беспокоящее общественность и даже (пусть лицемерно) политических лидеров Запада, чем-то в качественном плане отличается от влияния «административного ресурса»? Если они в это верят и так думают, то это является безусловным свидетельством удивительной политической наивности, непонимания собственной страны.

В «Тезисах» и других документах оппозиции немало справедливой критики существующих в современной России порядков (в частности — относящейся к отсутствию независимой судебной системы, коррумпированности и произволу бюрократии, ограничению и даже подавлению самостоятельности СМИ, незаконным действиям властей

в отношении самой оппозиции и т. д.). Но возникает вопрос: может ли эта критика рассчитывать хотя бы на минимальную *политическую* эффективность, если она не учитывает очевидных фактов современной российской жизни, сама морально нечиста и чужда *самокритике*? Поясню, о чем идет речь.

Опросы, которые проведены социологическими центрами, придерживающимися разной идейной ориентации и имеющими разные отношения с властью, твердо показывают: протестные настроения россиян в настоящее время достигли рекордно низкого уровня, число удовлетворенных ситуацией в стране составило большинство***.

Данный факт требует понимания. Первым условием этого должно быть признание того, что нынешний режим *не* воспринимается большинством россиян как «узурпаторский» и осуществляющий насилие над ними — в противоположность тому, что заявляют «Тезисы».

Боль и недовольство либеральной интеллигенции, во всяком случае определенной ее части, не подлежат сомнению****. Но что, если не самомнение, гипертрофия своего «я», самоназначение «гласом народа», позволяет выдавать собственную боль и собственное недовольство за

* Я отнюдь не претендую на исчерпывающий обзор текущей политической литературы, исходящей из источников, обычно классифицируемых в качестве либеральных. Моя задача — хотя бы эскизно обозначить некоторые идеологические тенденции, наблюдаемые в стане российских либералов.

** См.: Тезисы о Национальной ассамблее для граждан России. http://www.gazeta.ru/politics/2008/04/30_a_2711808.shtml?incut1.

*** См.: Россияне пресытились. http://www.gazeta.ru/politics/2008/03/24_a_2676343.shtml.

**** Конечно, боль и недовольство выражают и другие группы интеллигенции, не придерживающиеся либеральной ориентации, что показывает состав той же «Другой России». Но в данной статье, посвященной проблемам отечественного либерализма, речь идет именно о либеральной интеллигенции.

боль и недовольство «большинства россиян»? И во всем этом заключена не только моральная, но и огромная политическая проблема.

Да, народ может ошибаться в своих суждениях и предпочтениях. Да, быть демократом *на деле* означает смелость критиковать народ, не соглашаться с ним, отстаивать свою точку зрения, если демократ верит в нее и считает, что народ в данной исторической ситуации заблуждается. *В этом* проявляется его уважение к народу и вера в его разум – в противоположность презрительно-манипулятивному «народопоклонству» собирателей голосов, коими являются главные герои нынешних избирательных кампаний, в России и на Западе. Но такая критика народа предполагает отказ от самоназначения «гласом народа», осознание того, что разделяет (в данной исторической ситуации) народ и самого критика. И отсюда возникает политическая проблема – каким образом доказать народу свою правоту (постоянно проверяя ее самокритикой)?

У проблемы взаимодействия интеллигенции с народом уже имеется колоссальный, как трагический так и успешный, опыт ее разрешения. Вспомним хотя бы «хождение в народ» в XIX веке в нашей стране, большевистскую тактику «пробуждения классового сознания» угнетенных, ведомые Индирой Ганди кампании «ненасильственного сопротивления», создание «антифашистских фронтов» в ряде западных стран в бурные тридцатые годы прошлого века и, конечно, ту самую линию на свершение «малых дел».

Пожалуй, взаимодействие интеллигенции и народа оборачивалось наиболее тяжелыми трагедиями в тех случаях, когда интеллигенты, впав в отчаяние из-за «слепоты» и конформизма масс, начинали мнить себя «авангардом», которому следует пойти на установление того, что Маркузе называл «*демократической диктатурой образования [народа]*»*.

История оборачивается трагикомедией, когда интеллигенция начинает мнить себя «авангардом», но при этом не обладает решимостью (или желанием) совершить самопожертвование, предполагаемое «диктатурой образования». То есть когда она просто объявляет себя «гласом народа», уходя таким образом от самой проблемы критики народа и доказывания ему своей «правды».

Но является ли одобрение большинством россиян нынешнего положения дел в стране всего лишь проявлением их слепоты? Или конформизма? Или тем паче пресловутого «цивилизационно детерминированного» долготерпения (и куда же оно, будучи «цивилизационно детерминированным», исчезало в 1905 году, в феврале и октябре 1917 года или в августе 1991 года, если вспоминать лишь историю XX века?)?

«Тезисы» утверждают, будто нынешний режим уничтожил политическую демократию и народное представительство в России. Полагают ли авторы, что октябрь 1993 года или циничный балаган выборов 1996 года был триумфом политической демократии и народного представительства? Мог ли народ ощущать, что «режим Путина» похитил у него представительство, когда оно усилиями «демократов» 1990-х годов свелось к откровенной и жалкой профанации? Можно ли народ поднять на защиту «демократии коробок из-под ксероксов», каковой российская демократия стала именно в «ельцинский период»? Можно ли всерьез поднимать знамя демократии, за которым пошел бы народ, не подчеркивая ее *противоположность* «демократии коробок из-под ксероксов»? Но именно этого *не* делает ныне оппозиционная либеральная интеллигенция. По той причине, что *тогда* она была в «рамке власти» (или мнила себя находящейся в ней), тогда на ее «права человека» не наступали**, тогда она даже не поднимала вопрос о том, что капитализм как таковой может «корруптировать» демократию, а посткоммунистический капитализм имеет тенденцию делать это вдвойне и в особо отвратительных формах.

Не ставит она этот вопрос и сейчас, не понимая, что специфика «посткоммунистического транзита» разво-

* Marcuse H. Repressive Tolerance // Wolff R., Moore Jr. B. and Marcuse H. A Critique of Pure Tolerance. Boston: Beacon Press, 1965. P. 106.

** Жозеф де Местр как-то остроумно заметил, что «права [человека] заявляются лишь тогда, когда на них наступают...» (Местр де Ж. Рассуждения о Франции. М., 1997. С. 83).

рачивает *к народу* проблему демократии прежде всего той ее стороной, на которой отношения демократии с капитализмом являются решающими.

В практическом плане эти отношения выявляют то, с каким *типом капитализма* (имея в виду, что сложившиеся мировые условия делают радикальную антикапиталистическую альтернативу в обозримый период неосуществимой) совместима *в данной исторической ситуации* хоть сколько-то жизнеспособная и «легитимная» в глазах *народа* демократия. Сама *непостановка* вопроса о типах капитализма для России свидетельствует не только о теоретической инфантильности либеральной оппозиции, но и о ее базисных *консервативных*, то есть неолиберальных, идеологических ориентациях. Представления о единственной («правильной») модели капитализма, направленные на подавление самого дискурса, о его вариативности и соответственно о возможности *политического* выбора его вариантов, являются фирменным знаком неолиберализма*. Но политически поднять народ неолиберальной идеологией можно разве что в Англии и США. И то на исторически короткий период времени и *не* для такого капитального дела, как смена режима.

Если утрату политической демократии и народно-представительства при переходе от «ельцинской России» к «России путинской» большинство россиян вряд ли ощутили, то некоторые, причем весьма осязаемые, плюсы такого перехода они наверняка заметили. Едва ли такие плюсы стоит полностью списывать на фантастический рост нефтегазовых доходов страны в «период Путина» – жизнь действительно в известной мере упорядочилась, а власть, хотя бы в высших ее проявлениях, перестала быть оскорбительной буффонадой. И то и другое – аспекты консолидации режима на пути обретения им консервативной солидности. И, игнорируя все это, нельзя построить жизнеспособную стратегию оппозиции.

Но, как думается, ее нельзя построить и игнорируя преемственность нынешнего режима с «ельцинскими» порядками. Она же проявляется не столько на уровне (узко понятой) политики, сколько в плане эволюции того *ти-*

на капитализма, основные элементы которого сложились еще в 1990 годы. Я уже называл этот тип «авторитарным капитализмом». Но его можно называть и «олигархическим». Только при этом нужно учитывать ту трансформацию конструкции отношений собственности и власти, которая произошла при переходе от «ельцинского» к «путинскому» периоду. В первый период «олигархичность» проявлялась в *приватизации власти* частными олигопольными структурами, наиболее зрелой (и зримой) формой которой стала так называемая семибанкирщина периода позорных выборов 1996 года.

Во второй период власть, точнее, составляющие ее кланы, причем при соблюдении определенных правил игры между собой, *приватизировали основные экономические ресурсы*, разумеется, придавая этому форму «госсобственности» или «госконтроля».

При этом симбиоз «власть – собственность» как политико-экономический фундамент господства остался *частным*, хотя его институциональные механизмы, идеологическое обеспечение, не говоря уже о конкретных бенефициариях, претерпели существенные изменения. Статистически и наиболее наглядно такую политико-экономическую преемственность между «старыми» и «новыми порядками» иллюстрирует рост неравенства между богатыми и бедными в России, продолжавшийся и в «путинский период». По этому показателю, ставшему *неприличным* по западным меркам с самого начала развития капитализма и «демократии» в России, нам удалось в конце концов обойти таких сильных конкурентов, как

* См.: Clausen T., Mjoset L. An Introduction to the Comparison of Capitalisms // Capitalisms Compared, ed. L. Mjoset and T. Clausen. Amsterdam: Elsevier JAI, 2007. P. 9. Данное эссе является отличным обзором богатейшей литературы о «типах капитализма», практически не известной в России. Ее неизвестность у нас сама по себе есть убедительное свидетельство идеологической гегемонии неолиберализма – по крайней мере в среде экономистов и социологов, занимающихся «посткоммунистическими транзитами».

Боливия, Уругвай, Иран, Камерун*... Но как раз на этой преемственности либеральная оппозиция внимание не акцентирует.

Тем не менее этатизированные формы господства в целом более восприимчивы к лишениям низов, чем частные, включая частнокапиталистические. Отчасти это объясняется большей зависимостью политического господства, по сравнению с экономическим, от поддержки низов и соответственно большей уязвимостью первого народным недовольством. Отчасти в этом свою роль играют идеологические обязательства власти, сколь бы лицемерно они ни принимались, «защищать общее благо»**.

Боль и недовольство либеральной интеллигенции, во всяком случае определенной ее части, не подлежат сомнению. Но что, если не самомнение, гипертрофия своего «я», самоназначение «гласом народа», позволяет выдавать собственную боль и собственное недовольство за боль и недовольство «большинства россиян»?

В результате, хотя разрыв между богатыми и бедными в России продолжает расти, все же реальные располагаемые доходы населения страны по итогам 2006 года достигли 112,5 процента уровня 1990 года, и это, конечно, историческое достижение. А в «эпоху Ельцина» они катастрофически падали. И это еще при том, что сами по себе нефтяные богатства не обеспечивают роста доходов народа — есть элиты, которые предпочитают не делиться с ним и крохами с барского стола.

Возможно, реформирование социальной сферы у нас сейчас, как считают авторитетные эксперты, неэффективно и даже «нацелено на благополучие верхней по доходу 20-процентной части населения в ущерб основной и прежде всего 20-процентной нижней»***. Но оно хоть как-то происходит, а раньше его не было совсем. И так далее. В этом и в самом деле заключаются блага перестроенного в «эпоху Путина» авторитарного и «олигархического» капитализма для народа. И привлекателен он для большинства россиян не своими имманентными достоинствами, не тем, что воплощает их «цивилизационные» или благоприобретенные за постсоветское время идеалы, а выгодными отли-

чиями от того ужаса, в который народ был ввергнут «ельцинской демократией», против которой либеральная оппозиция, похоже, ничего не имеет.

Критика, упирающаяся исключительно на авторитарность «авторитарного капитализма» при умолчании о том, авторитарностью чего она является, обречена остаться достоянием клубов и сект — тех, кого капитализм не угнетает.

На такой идеологической основе либерализм мог существовать только в давние времена, когда он был движением вольнодумствующей аристократии из виггов, а сама политика, пользуясь тем, что Дэвид Юм сказал об английской «Славной революции», была делом «большинства в семьсот душ, которые предрешили перемены для почти десяти миллионов»****.

В условиях массовой демократии, нравится она нам или нет, такой либерализм не может иметь места, а его

* См.: Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации за 2006 год. Министерство экономического развития и торговли Российской Федерации. www.economy.gov.ru. Сравнительный анализ показателей индекса Джини для современной России и группы развитых и развивающихся стран, а также связи между этими показателями и различными проявлениями социальной патологии см.: Гилинский Я. Преступления ненависти: история, теория, реальность. <http://index.org.ru/journal/25/gilins25.html>.

** Великолепный анализ того, какую практическую роль — в плане взаимодействия с низами — играют символизм власти и борьба за обладание символическим капиталом, представляет концепция «политической борьбы» Пьера Бурдьё (см.: Bourdieu P. *Pascalian Meditations*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2000. Chapters 3, 5).

*** Римашевская Н. Некоторые проблемы социального реформирования в России // «Проблемы прогнозирования», 2006. № 1. С. 9.

**** Hume D. *Of the Original Contract* // *Essays Moral, Political and Literary*, ed. E.F. Miller. Indianapolis: Liberty Fund, 1987. P. 472.

приверженцы, вольно или невольно, будут сдаваться без настоящего политического боя.

Ф

Postscriptum

раза о либералах, сдающихся без боя, взята из заглавия во многом примечательной статьи Эмиля Паина*. Пайн выявляет тревожащую его тенденцию идеологической мутации отечественного либерализма. Эта мутация происходит в рамках все более широкого заимствования либерализмом не только лексики, но и строя мысли из мифологии в духе «культура — это судьба», «онаученной» всевозможными спекуляциями на темы «неизменности цивилизаций» вообще и предустановленных России «цивилизационных матриц» в частности и в особенности.

Паин, несомненно, прав в оценках опасности такой мифологии. Риторика «культура — это судьба» уходит корнями в *Lebensphilosophie*, точнее, в *реакционно-романтические*, и фундаменталистские представления об истории, прямо или опосредованно ведущие к идеям собственной исключительности, противопоставленной «варварству» других.

Такие представления категорически несовместимы с либерализмом, если он сохраняет, конечно, малейшую связь с идеями просвещения, свободы и равенства**. Принятие подобной риторики некоторыми кремлевскими идеологами действительно выглядит очень тревожным симптомом.

Сопrotивление Паина откровенному (псевдо-) философскому обскурантизму, несомненно, заслуживает всяческой поддержки. Но где объяснение того, *почему* столь видные отечественные либералы, как те, чьи имена упомянуты в его статье, оказались падки на него? Ведь не считать же таким объяснением «потребность разбавить сухую цифирь статистики балладами и притчами», на которую ссылается Паин (а иного объяснения в его статье я не нашел)!

Думаю, более внятное объяснение тяги нынешних либералов к политически реакционной мифологии найти все же можно. Ведь если население России «цивилизационно», то есть с «сотворения мира» «предрасположено» к патерналистским формам правления, если с его авторитарным синдромом ничего не поделаешь, то с

либералов, как говорится, и взятки гладки. И упрекнуть им себя не в чем, и их нынешнее политическое поражение — вовсе не поражение, а как бы «закон истории» или «закон российской (как бы ее более корректно назвать?) цивилизации», который не преjdeши. Ведь «культура — это судьба»! И баста — и теории, и политической ответственности. Поэтому философско-исторический обскурантизм «цивилизаций» является великолепной и очень дешевой индульгенцией. А также надежнейшим способом ухода от самокритики. А заодно — от малейшей возможности политического возрождения отечественного либерализма.

И еще хочется Паина спросить: не пора ли прекратить противопоставлять «гуманитарно», то есть «гуманитарное знание», как «скорее поэзию» науке с ее «фундаментальными законами»? Не только потому, что это банально и теоретически наивно — *так* можно противопоставлять только очень плохую «гуманитарно» и очень старомодную науку. Гораздо важнее, во всяком случае с точки зрения возрождения либерализма, видеть противоречие логики политики с «наукой с фундаментальными законами». Не достаточно ли либералы в 1990-е годы верили во всякие «фундаментальные законы» (экономики, модернизации и бог весть какие еще), чтобы в 2000-е годы оказаться за бортом политической жизни?

* См.: Паин Э. Либералы сдаются без боя // «Независимая газета», 1 февраля 2008 г.

** Такие историко-философские связи идеи «культура — это судьба» и такие (то есть реакционные) ее политико-идеологические импликациии блестяще показаны в статье: Al-Azmeh A. Civilization, Culture and the New Barbarians // «International Sociology», 2001. Vol. 16. №. 3. P. 75–84.